

Мальчик со скрипкой (Муся Пинкензон)

В молдавском городе Бельцы, где он родился и вырос, Муся Пинкензон был человеком знаменитым, несмотря на свой юный возраст. Когда ему было всего пять лет, о нем первый раз написала городская газета как о скрипаче-вундеркинде. Тогда, в 1935 году, он впервые очень успешно выступил на городском концерте – а ведь Муся только недавно взял в руки скрипку, зачарованный случайно услышанной на улице мелодией великого итальянского скрипача и композитора Паганини. Услышал мальчик нежные, тревожные, цепляющие за душу звуки скрипки – и понял, что это его судьба. Поняли это и его родители, которые вскоре купили ему скрипку.

В июне 1941 года Муся вместе с делегацией школьников из города Бельцы приехал в Кишинёв, столицу республики, где на 22 июня было назначено торжественное открытие Первой республиканской олимпиады художественной самодеятельности школьников Молдавии. Пинкензон должен был исполнять здесь Второй концерт Моцарта. Он очень волновался и ночь провёл почти без сна, а утром, когда наконец-то заснул, услышал, как нудно и протяжно гудят над головой сотни самолётных моторов. Так в жизнь Муси вошла война.

Школьники спешно возвратились обратно в Бельцы, а скоро папа Мусика, Владимир Борисович, врач-хирург, получил назначение в военный госпиталь, расположенный в станице Усть-Лабинской, на Кубани.

– Мама, а мы вернёмся обратно? – спрашивал мальчик, укладывая в чемодан ноты.

– Конечно, – уверенно отвечала Феня Моисеевна.

В Усть-Лабинской Муся не только пошёл в 5-й класс тамошней школы, но и стал частым гостем в госпитале, где работал его папа. Туда приходили все ребята из его класса, да и вообще, из всей школы – ухаживали за ранеными, помогали медицинскому персоналу. А Муся выступал, он играл на скрипке. Каждый вечер, как только справлялся с уроками, он приходил в госпиталь и, переходя из палаты в палату, играл раненым музыку Чайковского, Моцарта, Паганини, играл «Катюшу» и «Синий платочек», грузинскую песню «Сулико» и украинскую «Днепр широкий...».

Мальчик нередко оставался в госпитале до позднего вечера, а его папа не возвращался домой по несколько дней: раненые прибывали эшелон за эшелон.

Однажды Владимир Борисович пришёл в то время, когда Муся уже ложился спать, и попросил сына вернуться с ним в госпиталь.

– К нам привезли лётчика – он горел в подбитом самолёте, у него страшные боли, – объяснил отец. – Поиграй ему, это может ему помочь, отвлечь. Ты же сам знаешь, что такое музыка, – она лечит.

Ещё в коридоре, где также лежали на кроватях раненые бойцы, Муся услышал громкие стоны и страдающий голос. В палате он увидел лежащего

человека, всего перемотанного бинтами. Человек что-то говорил медсестре, и голос его то срывался на крик, то переходил в стон.

Мальчик провёл смычком по струнам и заиграл. Раненый вдруг замолчал и затих, словно бы заснул. Но он не спал – Мусик видел, как блестят между бинтами глаза, наполненные слезами. Он доиграл и услышал:

– Ещё! Пожалуйста, ещё!

Он играл, играл ещё и ещё, переводя одну мелодию в другую, а раненый лётчик молчал, слушал и только иногда тихо постанывал. В палату пришли и другие раненые, их было очень много, но все равно здесь теперь царила мёртвая тишина, нарушаемая только звуками скрипки...

Когда смертельно уставший Мусик доиграл последнюю мелодию, он сказал тихо и виновато:

– Простите, я уже больше не могу.

– Спасибо, сынок, – прохрипел лётчик. – Я потерплю. Я буду летать и бить фашистов! Только ты приходи ещё ко мне, ладно?

– Обязательно, – сказал мальчик. – Обязательно!

Уйти от войны – точнее, от врага – семье Пинкензон было не суждено: летом 1942 года на кубанскую землю пришли гитлеровские войска – стремительно и совершенно неожиданно. Из Усть-Лабинского госпиталя успели тогда эвакуировать многих раненых, но не всех, и Владимир Борисович решил остаться с ними – он не мог бросить людей без врачебной помощи. Так Мусик и его родители оказались на временно оккупированной территории – «под немцем».

В операционную, где Владимир Борисович оперировал раненого бойца, бесцеремонно вошёл немецкий офицер в сопровождении нескольких солдат.

– Оставьте его, доктор, – приказал он по-русски. – У нас много раненых, в первую очередь вы должны помочь им!

– Выйдите отсюда немедленно! – потребовал врач.

– Не тратьте времени зря, – сказал немец, не обращая внимания на его слова. – Сейчас принесут наших раненых.

Затем он повернулся и что-то негромко приказал своим солдатам. Те подошли к Владимиру Борисовичу, крепко взяли его под руки и, хотя он пытался сопротивляться, оттащили от операционного стола.

Офицер вынул из кобуры пистолет и выстрелил в раненого.

– Операция закончена, доктор, – усмехнулся он. – Можете больше не беспокоиться... Сейчас вам принесут наших солдат – позаботьтесь о них.

– Нет, – покачал головой Пинкензон.

– Я понимаю, доктор, вы устали. Идите домой, отдохните. Я жду вас завтра в восемь часов утра, – кивнул офицер и вышел, не ожидая возражений.

На следующее утро Владимир Борисович не пошёл в госпиталь, а через час за ним явились немецкие солдаты.

– Вы опоздали, доктор, – строго сказал тот же офицер. – Чтоб это было в последний раз. Запомните, если вы будете добросовестно выполнять свои обязанности, вы будете хорошо жить. А сейчас прошу вас в операционную.

– Я не буду оперировать ваших раненых, – сказал хирург.

– Вы врач и обязаны помогать людям!

– Вы не люди!

– Ну, а раз вы такой врач, то ваше место не здесь, а в карцере, – пожал плечами гитлеровец.

Владимира Борисовича отвели в здание бани, превращённой немцами в тюрьму. Несколько дней его убеждали возвратиться в госпиталь – у гитлеровцев не хватало врачей, а потом стали выводить вместе со всеми арестованными на рытье окопов. Как видно, немцы очень опасались возвращения Красной армии.

То, что власть оккупантов очень непрочна, понимали и местные жители, и сопротивление захватчикам на Кубани возрастало день ото дня. Чтобы суметь хоть как-то навести порядок и подчинить себе население, фашисты решили провести серию массовых казней. Владимир Борисович Пинкензон был определён в первую расстрельную партию. Все же немцы ещё надеялись склонить его к сотрудничеству – если не убеждением, то страхом. Поэтому они арестовали Феню Моисеевну и даже Мусика.

– Я знаю, что мне достаточно согласиться – и нас всех выпустят, – сказал Владимир Борисович плачущей жене. – Но все-таки я работать на них не буду!

– Бог тебе судья! – ответила Феня Моисеевна, не высказав ни слова упрёка.

На следующий день группу людей, приговорённых к расстрелу, вывели на берег реки Кубань. Гитлеровцы решили провести показательную казнь, поэтому к месту её проведения согнали всех окрестных жителей. Они стояли поодаль, сбившись в кучу, многие женщины плакали и крестились.

– Так будет с каждым, кто не подчинится германским властям, – сказал по-русски офицер, обращаясь к тем, кого назначили зрителями. – Любой из вас может оказаться там, с ними!

Он жестом указал на шеренгу людей, выстроенных перед глубоким рвом. Муся стоял между своими папой и мамой, прижимая к груди скрипку.

– Может быть, кто-нибудь хочет что-то сказать? – вдруг обратился немец к приговорённым.

Ему очень хотелось, чтобы люди стали просить пощады, как-то выказали свой страх. Пожалуй, таких бы он даже и отпустил... Нужно, чтобы все увидели, что тем, кто выражает покорность «новому порядку», бояться нечего.

– Господин офицер, – раздался вдруг звонкий, срывающийся от волнения голос Мусика. – Позвольте, я сыграю свою любимую песню?

Лёгкий шёпот пронёсся как по шеренге приговорённых, так и по толпе зрителей.

«Наверное, хитрый мальчуган хочет таким путём сохранить себе жизнь, – подумал немец. – А почему бы и нет? Это забавно!»

– Молодец! – усмехнулся офицер и махнул рукой солдатам, чтобы опустили автоматы. – Сыграй, мальчик. Если твоя песня хорошая – ты будешь жить!

Мусик достал скрипку, бережно положил чехол на землю, прижал скрипку к подбородку, провёл смычком по струнам. Сначала робко, потом всё увереннее и громче зазвучала знакомая людям мелодия... Вдруг кто-то запел слова, и тут же его поддержали другие. Люди, приговорённые к смерти, громко пели: «Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов».

Это был «Интернационал» – песня рабочих, которая в те времена была гимном Советского Союза.

– Прекратить! Замолчать! – закричал фашистский офицер, на какие-то мгновения даже потерявший способность соображать.

Люди, которые сейчас должны были умереть для устрашения других, вдруг показали полное своё презрение к смерти. Мальчишка, который, казалось бы, первым из всех должен был плакать и просить прощения, оказался главным и самым опасным бунтарём!

– Прекратить! – орал офицер.

Потом вдруг до него дошло, и он скомандовал своим солдатам:

– Feuer!

Солдаты вскинули автоматы и открыли огонь. Но люди продолжали петь, даже умирая, а Мусик играл – он играл и после того, как на землю упали его родители. Он играл и плакал...

Тут офицер понял, что никто из его солдат не хочет стрелять в мальчишку, и сам выхватил пистолет. Выстрел, другой, третий. Мелодия оборвалась. Муся упал, и его расстрелянная, пробитая пулей скрипка замолчала навсегда. Но умирающие ещё продолжали петь, и песня эта звала людей на борьбу, вела к Победе.

Публикуется по: Бондаренко, А. Мальчик со скрипкой // Бондаренко А. Юные герои Отечества. – М., 2013. – С. 195 – 201 (<https://iknigi.net/avtor-aleksandr-bondarenko/105321-yunye-geroi-otechestva-aleksandr-bondarenko/read/page-13.html>)